

Слова Юй Шаои прозвучали на редкость странно, и Юй Шаолину стало не по себе.

Договорив, юноша сразу потерял к нему интерес. Бережно прижимая к груди Кровь Небесного Демона, он развернулся и затерялся в толпе учеников секты Сицзянь, собиравших раненых и разбиравших завалы после тяжелой битвы.

Юй Шаолин порывался пойти следом и во всем разобраться, но к нему как раз подошел освободившийся Е Цзюэ. Пришлось сначала вернуть оружие владельцу.

— Благодарю, — молодой глава секты поймал брошенный меч и бережно повесил его на пояс. На его обычно надменном лице промелькнуло довольное выражение.

Рассеянно кивнув, Юй Шаолин продолжал гадать, что нашло на Юй Шаои. Но Е Цзюэ отвлек его вопросом:

— Юй Цзюэ, ты раньше изучал путь меча?

Юй Шаолин растерялся:

— Да так... полистал пару книг да махал мечом как придется.

И ведь он почти не солгал. В прошлой жизни у него действительно не было наставника. Случайно отыскав старый учебник фехтования, он усердно повторял движение за движением. Благодаря врожденному таланту и отсутствию мирских забот он продвигался вперед семимильными шагами.

Впрочем, по лицу Е Цзюэ было ясно: он не поверил ни единому слову. Не желая пускаться в долгие объяснения, Юй Шаолин лишь примирительно улыбнулся.

Молодой глава секты долго молчал, не отрывая взгляда от висевшей на поясе Шаолина флейты из белой яшмы, а затем вдруг очень серьезно произнес:

— С твоим даром нужно не на флейте играть, а меч в руках держать. Тебе предначертан путь меча, а не музыка.

От столь неожиданной похвалы Юй Шаолин даже растерялся. Потребовалось время, чтобы прийти в себя и вежливо поклониться:

— Тронут вашим вниманием, молодой глава. Но менять стезю пока не планирую.

Е Цзюэ резко нахмурился, будто его жестоко оскорбили. Он недовольно фыркнул и, круто

развернувшись, зашагал прочь.

Юй Шаолин не стал принимать его обиду близко к сердцу — все его мысли занимал Юй Шаои. Он невольно задумался: а не перегнул ли он палку в их последнем разговоре? Но сколько бы он ни размышлял, он не находил в своих словах ошибки. Он сказал лишь то, что действительно думал.

«Хотя для Юй Шаои это, должно быть, выглядело как глупое и непрошеное вмешательство», — вздохнул он про себя.

В конце концов, пусть тот и звал его братом, на деле они едва знали друг друга. Юй Шаолин явно поторопился с откровениями.

Промучившись сомнениями, он все же решил поговорить с Юй Шаои еще раз, однако тот принялся его избегать. После нескольких безуспешных попыток заставить юношу в одиночестве Юй Шаолин сдался и оставил его в покое.

Секта Сицзянь действовала на удивление быстро. Наведя порядок, они взяли под охрану Путь к Небесам и отправили вестников главам остальных школ, чтобы те забрали своих учеников домой.

За учениками Павильона Яньюнь тоже прислали провожатых, но Юй Шаолин никак не ожидал, что за ними приедет сам отец. Глава целой школы, скромно затерявшийся в толпе седобородых старейшин из мелких кланов, смотрелся среди них слишком уж просто, лишая Павильон Яньюнь всякого налета величия.

— Отец? Почему ты приехал сам?

При этой встрече оба почувствовали легкую неловкость.

Юй Миньчжи сохранял свое привычное суровое выражение лица. Он смерил сына оценивающим взглядом, а затем осмотрел остальных учеников. Он нахмурился и смотрел так, словно строгий учитель разглядывал нерадивого подмастерья.

Юй Шаолин сразу почувствовал себя виноватым. Заметив, что отец собирается что-то сказать, он решил действовать на опережение и поспешно выдвинул вперед Лу Дибao с остальными шиди:

— Младшие братья хоть и натерпелись страху, но вернулись целыми и невредимыми. Поручение главы павильона выполнено.

— Хм.

Юй Миньчжи сухо кивнул. Его взгляд скользнул к поясу сына и замер на флейте из белой яшмы. Глава павильона нахмурился.

Юй Шаолин сразу вспомнил, что флейта пострадала во время схватки с Емо.

— А-Цюэ, ты...

Желая поскорее покончить с неизбежным выговором, Юй Шаолин поспешил перебить его:

— Кхм... Флейта из белой яшмы разбита. Ваш ученик проявил небрежность и не сумел уберечь оружие.

Услышав это, Юй Миньчжи нахмурился еще сильнее, будто едва сдерживая гнев. Юй Шаолину оставалось лишь обреченно закончить:

— Я признаю свою вину и готов понести любое наказание, как только мы вернемся в павильон.

— А-Цюэ, — вздохнул наконец Юй Миньчжи, — я собирался спросить вовсе не об этом.

— Что?

— Когда я получил известие, что на Пути к Небесам объявился Емо, один из Шести Демонов, у меня все сердце изболелось от тревоги. — Он замялся, подбирая непривычные слова, и лишь спустя долгую паузу негромко спросил: — Я мчался сюда изо всех сил лишь для того, чтобы узнать: ты цел, сынок?

Юй Шаолин оцепенел от изумления. Прошло немало времени, прежде чем он смог молча покачать головой. В груди разлилось странное тепло — мягкое, щемящее, совершенно незнакомое чувство. Он невольно улыбнулся и поспешно добавил:

— Нет, обошлось без серьезных ран. Так, пара царапин и синяков.

Лишь договорив, он понял, насколько жалобно прозвучал его голос, и у него слегка порозовели уши.

К счастью, Юй Миньчжи не придавал этому значения. Обменявшись еще парой фраз и вежливо попрощавшись с главами других орденов, они направились к выходу. Но не успели они сделать и десятка шагов, как сзади раздался резкий окрик:

— Эй!

Юй Шаолин обернулся. Молодой глава секты Е хмуро смотрел куда-то в сторону с таким видом, словно Шаолин задолжал ему целое состояние.

— Если тебе делать нечего будет, приезжай в секту Сицзянь, — буркнул он сердито.

Юй Шаолин едва сдержал улыбку:

— Кхм, молодой глава, при всем уважении, я действительно не собираюсь менять флейту на меч.

«К тому же сманивать меня в свою школу прямо на глазах у моего отца — это как-то уж слишком», — подумал он про себя.

Поняв, что его слова истолковали неверно, Е Цзюэ мгновенно вспыхнул до корней волос. Лишь спустя полминуты он выдавил:

— Я просто зову тебя в гости! А-Сюань... он постоянно о тебе спрашивает.

Услышав имя Е Сюаня, Юй Шаолин невольно вспомнил этого забавного, вспыльчивого мальчишку, который злился по любому поводу. От этих воспоминаний на душе стало теплее. Переведя взгляд, он заметил Юй Шаои, стоявшего позади остальных учеников секты Сицзянь. Тот пристально, не мигая, смотрел прямо на него, но стоило их глазам встретиться, как Юй Шаои тут же отвернулся.

Это выглядело так по-детски обиженно, что сердце Юй Шаолина дрогнуло. Он мягко улыбнулся и охотно согласился:

— Договорились. Будет время — непременно навещу вас.

Заметив, как в этот миг вздрогнули плечи Юй Шаои, Юй Шаолин мысленно усмехнулся. Е Цзюэ же ничего не заметил — на его лице промелькнуло явное облегчение, и он потребовал обещания:

— Ловлю на слове.

— Ловите. Обязательно приеду.

— Молодой глава, нам пора, — поторопил Е Цзюэ старейшина с мечом на плече.

Задерживаться дольше не имело смысла. Е Цзюэ повел учеников к выходу, но, пройдя несколько шагов, внезапно обернулся и бросил Юй Шаолину какой-то мелкий предмет.

Юй Шаолин машинально поймал его. Раскрыв ладонь, он увидел поблескивающий Золотой лист — личный жетон Е Цзюэ. Тот ушел, не проронив больше ни слова, но смысл этого жеста был ясен без объяснений.

— Берегите себя, молодой глава, — с улыбкой крикнул ему вслед Юй Шаолин.

Ответом ему было лишь короткое фырканье.

Когда процессия секты Сицзянь скрылась из виду, Юй Шаолин повернулся к отцу. Юй Миньчжи все еще смотрел вслед ушедшему Е Цзюэ. На его вечно строгом лице читалось непривычное, сложное выражение. Редко доводилось видеть отца в таком состоянии. Шаолин удивленно спросил:

— Отец, что-то не так?

— Ничего, — отозвался тот, словно очнувшись, но после короткого молчания добавил: — Тот юноша с Золотым листом... Он ведь принадлежит к главной ветви клана Е?

— Верно.

— И вы с ним дружны?

— Вполне, — ответил Юй Шаолин и, подумав, добавил: — Все-таки мы через многое прошли вместе. Он хоть и грубиян, но человек надежный и благородный.

Неожиданно эти слова заставили Юй Миньчжи улыбнуться. В этот миг, унесенный воспоминаниями о былом, суровый глава ордена показался почти молодым, а его жесткое лицо смягчилось:

— Все они в роду Е такие. На словах — лед, в душе — огонь.

Юй Шаолин озадаченно замер. Судя по тону отца, его связывало с сектой Сицзянь нечто личное. Ему вспомнились первая встреча с братьями Е, вспыльчивость Е Сюаня и гордость Е Цзюэ. Очевидно, их семьи знали друг друга давно, причем отношения эти были весьма запутанными.

«Но если отец дружил со старейшинами клана Е, почему об этом не упоминалось в романе? — лихорадочно соображал Юй Шаолин. — И почему, когда Павильон Яньюнь был стерт с лица земли, секта Сицзянь даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь? Что за тайны скрывает прошлое?»

— А-Цзюэ, хочешь ли ты изучать искусство меча?

Внезапный вопрос отца застал его врасплох. Юй Шаолин смутился:

— Отец, с чего вдруг такие мысли?

— Да так, — уходя от прямого взгляда, Юй Миньчжи устался на дорогу. — Просто юноша из секты Сицзянь обмолвился, что тебе суждено быть мечником. Вот я и спросил.

— Но ведь наследие Павильона Яньюнь — это каллиграфия, живопись и музыка. Как я могу забыть свои корни? К тому же ты только-только обучил меня Магической музыке санскрита. Мелодия прекрасна, просто я пока плохо играю, вот и вышло...

— А-Цюэ.

Юй Миньчжи мягко прервал его. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, ведя столь душевный разговор, но в его глазах светилась глубокая отеческая нежность:

— Прежде я надеялся, что ты выберешь стезю музыканта и унаследуешь Павильон Яньюнь. Но теперь вижу, что заблуждался. Твоя матушка права: наш сын волен сам выбирать свою судьбу, и мне не следовало навязывать тебе свои желания.

С этими словами он достал из широкого рукава старинный свиток и протянул его Юй Шаолину:

— Эту книгу когда-то написал мой близкий друг, выдающийся мечник. Сам я ничего не смыслю в фехтовании и не могу оценить его труды по достоинству, но верю, что его опыт сослужит тебе добрую службу. К сожалению, я не смогу направлять тебя в тренировках — постигать это учение тебе придется самостоятельно.

Юй Шаолин бережно принял свиток. Развернув его, он почувствовал, как сердце ушло в пятки. Текст, зарисовки движений, пояснения на полях — всё до мельчайших деталей совпадало с той самой безымянной рукописью, которую он нашел в своей прошлой жизни!

«Но как такое возможно?! — изумленно думал он. — Неужели мое появление в этом мире изначально было предрешиено чьей-то волей?»

Терзаемый смутными сомнениями, он вернулся в Павильон Яньюнь.

Стоило им переступить порог усадьбы, как навстречу вихрем вылетела госпожа Юй. Она крепко стиснула сына в объятиях — с такой силой, что у него перехватило дыхание:

— А-Цюэ, мальчик мой... Как же ты меня напугал!

Юй Шаолин ощутил, как к горлу подкатил ком. Знать, что дома тебя ждут и любят — это бесценный дар. Теперь он больше не чувствовал себя одиноким призраком, затерянным между небом и землей. Он обнял мать в ответ и тихо произнес:

— Прости меня, матушка. Из-за меня тебе пришлось пережить столько тревог.

— Главное, что ты цел... Главное, что вернулся... — шептала госпожа Юй, не разжимая объятий.

Вскоре Юй Шаолин почувствовал легкое беспокойство. Матушка вела себя слишком взволнованно, даже для пережившей потрясение матери. Ее тело мелко дрожало. В этот момент к ним подошел Юй Миньчжи. Он мягко обнял супругу за плечи и заговорил ласковым, успокаивающим тоном, каким обычно утешают испуганных детей:

— Дорогая, все позади. Отпусти А-Цюэ, ты же задушишь его в объятиях.

Госпожа Юй словно очнулась от глубокого сна и испуганно отпрянула от сына:

— А-Цюэ, я сделала тебе больно? Прости, я совсем потеряла голову от радости...

— Ну что ты, матушка, все хорошо, мне совсем не больно, — поспешно заверил ее Юй Шаолин и внимательно всмотрелся в ее бледное лицо. — А как твоё здоровье? Тебе лучше?

— Теперь, когда мой сын дома, все хвори как рукой сняло, — улыбнулась она, но в уголках ее глаз все еще таилась глубокая, неизбывная грусть, лишавшая Юй Шаолина покоя.

В последующие дни матушка не отходила от него ни на шаг, окружив удушающей заботой, однако ее душевное и физическое состояние заметно улучшилось по сравнению с тем временем, когда он только покидал дом. Это немного успокоило его.

Но стоило наступить ночи, как его покой рушился. Сны сделались тяжелыми, липкими и путаными. Наутро Юй Шаолин не мог вспомнить ни одной детали, но просыпался совершенно разбитым, с чугунной головой. Это была не физическая усталость, а глухое, изнуряющее истощение духа, словно за ночь кто-то по капле выпивал его жизненные силы.

К концу недели госпожа Юй окончательно поправилась, и Юй Шаолин воспрянул духом. В ту ночь кошмары наконец отступили, и он забылся глубоким, мирным сном без сновидений.

Проснувшись на рассвете следующего дня, Юй Шаолин решил не нарушать привычный распорядок. Быстро умывшись, он направился к вековым соснам на краю усадьбы для утренней тренировки. Но едва он переступил порог дома, как тишину утра разорвал тревожный перезвон колокольчиков, доносившийся со всех сторон.

Кто-то преодолел защитный барьер на границе владений Павильона Яньюнь.

Эту преграду они установили вместе с отцом совсем недавно, чтобы обезопасить усадьбу от участвовавших набегов демонов.

«Вряд ли это вражеский отряд, — рассудил Юй Шаолин. — Если бы демоны действительно решили напасть на нас, они бы действовали скрытно, а не поднимали такой шум на пустом месте. Скорее всего, барьер потревожил какой-нибудь случайный путник».

Боясь, как бы защитное заклинание не покалечило незваного гостя, Юй Шаолин поспешил к воротам.

У самого входа в Павильон Яньюнь стояла знакомая карета. На ее лакированной раме покачивался изящный шелковый мешочек с благовониями — безделица, которую Шаолин когда-то лично выбирал для Юй Шаои, сочтя, что подобная вещь придется по душе нежной девице.

Занавеска матового шелка приподнялась, и в проеме показалось лицо Юй Шаои — ослепительно красивое, способное лишить дара речи любого. Ее взгляд по-прежнему казался отчужденным и безразличным, однако Юй Шаолин уловил в глубине ее глаз нечто новое.

В ее тихом голосе, словно у замерзшего путника, который после долгого блуждания среди ледяной метели наконец-то нашел дорогу к родному порогу, прозвучала едва уловимая, но глубокая, щемящая нежность:

— Брат, я вернулась.

<http://bllate.org/book/18172/1749507>